

ПАНОРАМА

Анна Герман:

«Анна Герман: судьба и песни» — так называется книга А. Жигарева, выходящая в издательстве «Искусство». Некоторые страницы из этой книги мы предлагаем вниманию читателей.

ПРЕДЛОЖЕНИЕ малоизвестной итальянской фирмы грамзаписи «Компания Дискографика итальяна» подписать с ней контракт Анна Герман приняла без колебаний. Несмотря на то, что первая поездка в Италию по стипендии Министерства культуры ПНР оставила в ее душе горький осадок, она не уставала восхищаться музыкальностью итальянцев, их самобытностью, высоким уровнем мастерства вокалистов.

На сей раз прием на итальянской земле отличался от первой поездки на Апеннины. Не надо было искать ночлега, звонить незнакомым людям. Анну поселили в отличной гостинице в самом центре Милана. В комнате тепло, светло, уютно, красивый вид из окна. Но если в прошлый раз она была представлена сама себе и от этого терпела всяческие неудобства, то на сей раз неудобства подкралась совсем с другой стороны. Заботливые хозяева — Пьетро Караджи и его помощник, совсем молодой парень Рануччо Бастони, журналист по профессии, — сразу дали понять, что Анна для них — ценный «товар», на котором они собираются заработать деньги. «Прежде всего — реклама», — твердил ей Рануччо. — «Без рекламы ты — ноль». Он сразу перешел на «ты», говорил, казалось бы, обидные вещи тоном столь деликатным и заинтересованным, так что на него невозможно было обидеться.

Первый концерт состоялся в роскошном миланском Доме прессы, и, хотя репетиции практически не было, Анна, истосковавшись, пела с таким настроением и подъемом, что выдавшая виды публика не смогла скрыть своего восторга. Итальянцы изо всех сил били в ладоши, кричали «браво», неистово топали ногами, требую, чтобы Анна пела еще и еще.

Как когда-то она ездила из Вроцлава в Варшаву, так теперь летала из Варшавы в Милан, уже как признанная «звезда». Ее узнавали в Варшаве и в Милане. К ней подходили в салонах самолетов, просили автографы, говорили хорошие слова, желали удачи. Радовала ли популярность Анну? Естественно! Изменилась ли она по сравнению с той Анной, которую когда-то школьная подруга насильно притащила на прослушивание во Вроцлавскую эстраду? Пожалуй, несколько.

Редко так бывает, крайне редко. Но Анна совсем не изменилась: держалась так же скромно, была так же застенчива, искренна. А в глубине души оставалась такой же ранимой, часто не уверенной в себе, незащищенной, обуреваемой единственным желанием — трудиться. А значит, петь! Она часто думала о Москве, об Анне Качалиной. Особенно в Италии. Что ни говори — и тут, и там была для нее граница. И она невольно сравнивала Москву и Милан... Душевно она склонялась к размеренному, доброжелательному ритму Москвы с ее сердечностью, доброжелательностью, не омраченной трезвой меркантильностью.

Нет, здесь, в Италии, тоже были сердечность, жаркие объятия и поцелуи при встречах... Но за всем этим, она знала, скрывается холодный расчет и суета. Совсем, как на бегах: ох, не ошибиться бы, ставя на фаворита! Иначе — разорение, всему крышка. Анна чувствовала, что здесь, в Италии, она словно не принадлежит самой себе. На нее с надеждой смотрят и Пьетро Караджи, и Рануччо, и другие их служащие из «Компании Дискографика итальяна». Теперь Анна больше не жаловалась на отсутствие концертов: их было предостаточно, и ее хозяева ревниво смотрели за тем, в каком зале, перед какой публикой она будет петь...

ОДНАЖДЫ Пьетро Караджи объявил Анне, что в скором времени ей предстоит принять участие в знаменитом фестивале эстрадной песни в Сан-Ремо. Сан-Ремо! Что тут греха таить, даже в минуты самых блестящих успехов она и не мечтала когда-либо петь на эстраде этого курортного итальянского городка. Впрочем, до этого ее ожидало еще выступление в столице Франции — в знаменитой «Олимпии». Деловые люди из варшавского «Патарта» и репортеры светской хроники не переставали выделять тот факт, что Анна Герман — первая полька, которой выпадает честь петь в «Олимпии». Ее это забавляло. Смешило само словосочетание «первая полька». Будто речь шла не о концерте эстрадной певицы, а по меньшей мере об открытии Америки!

В «Олимпии» Анна пела в одном концерте вместе с Далидой, находившейся тогда у вершины славы. И хотя посетители «Олимпии» принимали свою любимицу более бурно и тепло, нежели совсем не известную во Франции польку, Анне этот концерт принес большое удовлетворение. Она видела, как безразличные при ее появлении лица в зале с началом ее пения начинают меняться на глазах: на них появляются любопытство, удивление, интерес, выражение радости. И аплодисменты, аплодисменты без конца...

Фестиваль в Сан-Ремо должен был проходить в феврале. Но готовиться к нему Анна начала еще в июле. И тут она впервые столкнулась с тем, что зовется «несенной коммерцией». Пьетро Караджи приехал за ней в гостиницу, попросил официанта принести ему крепкий кофе, Анне — апельсиновый сок. И напористой гангстерской скороговоркой оповестил свою подопечную, что за ее участие в фестивале он вносит кругленькую сумму (таков порядок) — полмиллиона лир. И, конечно, нет, он просто не сомневается, что деньги к нему вернуться обратно да еще с солидной прибылью.

— Иначе, — тут темп его речи замедлился. — Что иначе? — Анна поблелела. — Иначе мне крышка, да?

— Скорее мне! Ну, не то чтобы крышка, —

СУДЬБА И ПЕСНИ

теперь уже жалобно пробормотал Пьетро, — но всем нам придется несладко!..

Потом Анна долго раздумывала, что заставило Пьетро Караджи, владельца малоизвестной фирмы, у которой практически нет шансов на успех, даже если бы ее представлял на фестивале сам Тито Гобби, послать ее в Сан-Ремо да еще заплатить за это приличные деньги. Скорее всего прирожденный авантюризм этого человека, привыкшего рисковать, получать от жизни увесистые оплеухи, падать, вставать, собираться с силами и снова рисковать. Другого ответа не находилось.

У Анны вновь появилась бессонница, начали мучить головные боли, приступы тошноты. Ощущение счастья, которое всегда приносила ей работа, исчезло, его место заняли нервозность, сознание тяжелой ответственности, даже чувство какой-то вины.

Она ехала на фестиваль и чувствовала, будто участвует в каком-то неженском деле. То она представляла себя в образе гладиатора, обязанность которого, умирая, развлекать праздную публику, то казалась себе прачкой, от каменного труда которой зависит жизнь или смерть ее детей, то даже загнанной лошады,

которую изо всех сил погоняет растерявшийся, забывший дорогу Пьетро Караджи.

Прежде чем быть допущенной на фестиваль, ей предстояло записать две песни. Одна из них ей очень нравилась, другая была не по душе своей традиционной мелодичностью, без возможности для исполнителя раскрыть себя в полной мере. К великому огорчению Анны, жюри выбрало вторую песню, и на фестивале она не прошла на второй тур.

Всего несколько дней назад Анне казалось, что если она не станет победительницей, то свершится нечто ужасное. Теперь другое занимало ее мысли. Луиджи Тенко — композитор и певец, чью песню пела Далида, которому также не суждено было пробиться в финал, приехал в гостиницу, вытащил из ящика стола револьвер и выстрелил себе в рот... Далиду с тяжелым шоком от потрясения увезли в больницу. Что же заставило Тенко покончить с собой? Уязвленное самолюбие, легкоранимая душа артиста, уверовавшего в свой талант и особенно импульсивно отреагировавшего на суровость и придирчивость жюри? Или вещи более прозаические? Например, финансовые неурядицы, угроза разорения, потеря любимой женщины.

ЛЮБОВЬ и деньги. Искусство и деньги. Как часто они оказываются крепко скрепленными, связанными, как часто потеря хлеба означает и увядание роз! И раньше, у себя на родине, Анна знала о многих шероховатостях и подводных камнях своей артистической среды, но здесь впервые в жизни столкнулась с откровенным цинизмом, жестокой коммерцией и конкуренцией, где нет места ни снисхождению, ни состраданию... Она поужинала в одиночестве, рано легла в кровать и провела бессонную ночь.

Из забытья ее вырвал телефонный звонок. Она взглянула на стенные часы, было уже четверть двенадцатого.

— Ну и спишь же ты! — услышала она в трубке оживленный голос Пьетро. — Собирайся, через час заеду за тобой. У нас отличные новости. В моей фирме такого еще не было! Швейцарское телевидение приглашает тебя вместе с Доменико Модуньо выступить в телевизионной программе. Есть и еще предложение: об участии в популярной у нас передаче «Развлечения в семье». Представляешь?! Угадай, что еще? Ни за что в жизни не угадаешь! Твой собственный концерт по итальянскому телевидению! — Он торжествующе воскликнул: — Вот видишь, не зря мы рискнули деньгами!

Анне казалось, что только сейчас она начинает возвращаться к жизни.

Редакторы и телевизионные режиссеры выбрали для двух телепрограмм песню Арно Бабаджаняна и Евгения Евтушенко «Не спеши». «Так что же все-таки случилось?» — ее не оставлял этот неотвязный вопрос. Несколько дней спустя Доменико Модуньо дал ей исчерпывающий ответ:

— Главный приз в Сан-Ремо — это, конечно, здоровье! Он обеспечивает безбедную жизнь на пару лет. — Модуньо помолчал, разлил по бокалам вино, церемонно чокнулся. — Но главное — поправиться зрителям! Нет, не тем способом, что сидят в зале, а тем, что в кафе собираются после работы и смотрят телевизор... Телевидению буквально завалили письмами и телеграммами с просьбой еще раз показать вас. Поздравляю! В Италии такой чести удостоивается далеко не каждый.

«Вот и ответ на многие вопросы, — подумала Анна. — Реклама, фотографии, интервью, импресарио, решение жюри... А оказывается, чтобы иметь успех, надо просто петь! Петь так, как тебя научила природа».

Концерт в небольшом городке Форни закончился поздно ночью. Гостеприимные, обожающие музыку жители городка долго не отпускали Анну со сцены, и она, не в силах отка-

зать, пела и пела. В маленькую, уютную городскую гостиницу она вернулась около часа ночи. Было приятно пройти пешком в окружении восторженных меломанов от концертного зала до гостиницы. Анна уже приняла ванну и собралась лечь в кровать, как неожиданно в дверь постучались. На пороге стоял Рануччо. Он был бледен и от него пахло коньяком, но в глазах горели веселые огоньки.

— Привет, наше сокровище! — заорал парень. — Ты что это, спать собралась? А ну-ка вставай! Тебя ждет шикарная гостиница в Милане. Там номер оплачен. Оплачен, а здесь надо платить. Сама понимаешь, наша фирма пока не такая богатая, чтобы платить за два номера сразу.

Через двадцать минут они уже сидели в машине и мчались по автостраде.

— Скажу тебе честно, — прибавляя скорость, рассказывал Рануччо, — я уже два дня не спал. Задала ты нам работу! Утром вернулся из Швейцарии — подписал контракт, о-ля-ля, закачаешься! Обскакал весь Милан и сюда, за тобой. Всюду надо успеть. Что ни говори, а главное в жизни — деньги! Уж я-то знаю, что это такое, когда их нет. — Он замолчал и через несколько минут, когда они выехали на шоссе, вновь обратился к Анне, подавая зевоту: — Давай не будем плестись по деревням, поедом по автостраде: ночью налоги не берут...

ЭХ. Рануччо, Рануччо! Он совсем потерял голову от неожиданно свалившегося на них успеха (который выражался конкретными денежными цифрами). Он нежно поглядывал на сидящую рядом с ним пассажирку. Совсем, как почтенный отец семейства смотрит на только что приобретенную дорогую вещь, на которую копил по лире много лет. Рануччо не заметил, как скорость на спидометре перескочила на цифру 100, потом начала ползти вверх к цифрам 120, 130, 140, 150, 160... Он видел впереди себя далекие огни Милана и мечтал о мягкой теплой постели. Рануччо не сразу осознал, что теряет управление, что руль уже не слушается его, что машина с жутким свистом летит куда-то, и страшный тяжелый удар настигает его...

Их нашли под утро. Водитель грузовика остановился около разбитого «фиаата», в котором без сознания лежал Рануччо. А метрах в двадцати от «фиаата» лежала окровавленная молодая женщина, как спустя двадцать минут установила дорожная полиция, — польская артистка Анна Герман...

Мать со Збышком прилетела в Милан на третий день после катастрофы. Никто не пытался успокоить пани Ирму.

— Ничего определенного сказать не могу, — сказал врач. — Травмы очень тяжелые — сложные переломы позвоночника, обеих ног, левой руки, сотрясение мозга, опасные ушибы других органов. Вся надежда на сердце и на молодой организм.

Потом Ирма говорила, что до конца дней своих не забудет эти двенадцать бессонных суток, которые она просидела у кровати почти бездыханной дочери. Сознание вернулось на двенадцатый день. Были отменены искусственное дыхание и питание. Тогда доктор через переводчика сообщил им:

— Очевидно, за жизнь опасаться больше нечего. Но все только начинается... — Он запнулся, потом спросил в лоб: — У вас есть деньги? Большие деньги? Вы богаты? Выздоровление будет очень длительным. Лечение обойдется дорого!

Предстояла тяжелая операция, связанная с восстановлением нормальной деятельности изломанного и искаленного человеческого тела. Впрочем, такая формулировка может показаться дилетантской, имеющей мало общего с действительностью. Можно ли заново «собрать» человеческий организм, в котором все взаимосвязано, в котором нет мелочей и в котором повреждение какой-нибудь невидимой глазом «детали» могло привести к гибели целого. Анна, разумеется, не думала об этом. Она научилась подавлять в себе боль, во всяком случае не показывать близким своих страданий. Улыбаться, когда судорога коверкала мускулы, терзала нервы. Болтать о пустяках, когда больше всего хотелось кричать от неотступной режущей боли...

Она очнулась после операции и сразу же почувствовала себя так, будто очутилась в каменном мешке. Все тело облегал гипс — холодный, липкий, еще не успевший застыть, грозивший стать вечной броней. Гипсовый панцирь начинался у самых стоп, как длинное вечернее платье, облегал все тело и кончался у самого подбородка, так что даже легкий поворот головы причинял мучения.

Впервые в жизни она так горько и безутешно плакала. Она умоляла врачей и санитаров снять гипс, избавить ее от этих новых страданий. Лучше остаться калекой, лучше смерть, наконец, чем эта каменная скованность, которая, казалось, навсегда. Но врачи призывали ее к благодарности: много пути к исцелению нет, а этот, хоть и не дает стопроцентной гарантии, все же самый надежный.

Между тем владелец фирмы грамзаписи «Компания Дискографика итальяна» Пьетро Караджи, дела которого заметно улучшились в связи с блистательными выступлениями в Италии «потрясающей польки», впал в уныние.

— Нет у нас больше денег на ее лечение. Через месяц мы просто вылетим в трубу. Необходимо очень деликатно, повторно, деликатно организовать ее отправку в Польшу. Действительно, не повезло... Такая певица, такая женщина. Ее, по-видимому, ждет неподвижность...

То, что глава фирмы считал «деликатной», но абсолютно необходимой коммерческой операцией, изломанной и истрадавшей, закопанной в гипс Анне казалось несбыточным счастьем, заветной мечтой. Она связывала с возвращением на родину надежду на исцеление.

Итак, прощай, Италия, — страна, подарившая так много прекрасных незабываемых мгновений творчества и отнявшая взамен не только здоровье, но и саму возможность это творчество продолжать.